

~~XXXVIII~~

7
30.

XXII Sr I

4

6.

25

27.

C. 8.

08-5

000
000

000

С-89

МАЛУРУССКАЯ

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА.

Н. Р. Сумцова.

1691 / Зам

Изданіе редакціи «Кіевской Старины».

КІЕВЪ.

Типографія А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4-й

1886.

8983

18-5

МАЛОРУССКАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА.

Увлекательной стороной западно-европейской, в частности германской жизни представляется блестящее развитие наук исторических и филологических. Изучение языка, литературы, истории, бытовой и политической, сдѣлало столь обширные успѣхи, что нѣтъ такой области германистики, гдѣ нельзя-бы насчитать десятка специальныхъ монографій. Серьезное научное изучение личныхъ и мѣстныхъ собственныхъ именъ начато было въ Германіи въ концѣ 50-хъ годовъ. Классическое сочиненіе въ этомъ направленіи, *Altdeutsches Namenbuch* Фөрстемана, вышло въ 1859 г. Затѣмъ пошелъ цѣлый дождь специальныхъ изслѣдованій по части *Ortsnamen*, *Familiennamen*, *Personennamen*, *Flusnamen*, въ Германіи вообще, въ той или другой ея области въ частности.

Въ шестидесятыхъ годахъ Миклошичъ въ «Памятникахъ вѣнской академіи наукъ» помѣстилъ два довольно обширныхъ изслѣдованія объ образованіи славянскихъ мѣстныхъ собственныхъ именъ. Онъ собралъ огромное количество мѣстныхъ славянскихъ названій и распредѣлил ихъ по 789 темамъ, въ алфавитномъ порядкѣ. Въ предисловіи къ «*Die slavischen Ortsnamen aus Appellativen*», Миклошичъ замѣчаетъ, что, согласно съ количествомъ источниковъ и пособій, онъ приводитъ болѣе западно-славянскихъ мѣстныхъ названій, чѣмъ болгарскихъ и русскихъ. Миклошичъ указалъ методъ научнаго изслѣдованія собственныхъ именъ и намѣтилъ пути для дальнѣйшихъ работъ въ этомъ направленіи. Масса матеріала осталась не затронутой. Съ теченіемъ времени возникла потребность подвергнуть научному изслѣдованію личные и мѣстные собственные имена каждаго славянскаго народа и опредѣлить мѣстныя краевыя особенности

въ созданіи, сохраненіи и развитіи мѣстныхъ преданій, въ связи съ исторіей края. Въ разныхъ славянскихъ странахъ появились спеціальныя изслѣдованія о мѣстной географической терминологіи. Такъ о чешскихъ собственныхъ именахъ писали Гулаковскій и Брандль, о польскихъ Карловичъ, о сербо-лужицкихъ Бронишь. Русская наука относительно изученія географической терминологіи сильно отстала отъ науки западно-европейской. Различая въ изученіи собственныхъ именъ двѣ стороны, историко-археологическую и филологическую, нужно сказать, что историческая наша географія довольно давно обратила на себя вниманіе людей науки, и въ этой области писали въ старинное время Надеждинъ и Срезневскій, въ новое время Барсовъ и Андріевскій о лѣтописной топографіи и Замысловскій (въ диссертациі о Герберштейнѣ) о географическихъ свѣдѣніяхъ о Россіи Герберштейна. Что-же касается до филологическаго изученія русской вообще, въ частности южно-русской географической терминологіи, то область эта совершенно темная, неразработанная и можно сказать, что изученіе географической терминологіи съ филологической точки зрѣнія стоитъ теперь на очереди и представляется тѣмъ болѣе необходимымъ, что безъ филологическаго изученія географической номенклатуры и связанныхъ съ нею народныхъ преданій историко-бытовое и археологическое ея объясненіе не можетъ быть достаточно вѣрнымъ.

Матеріаль малорусской географической терминологіи находится въ разныхъ историческихъ и статистическихъ изслѣдованіяхъ и сборникахъ, преимущественно въ концѣ ихъ, въ указателяхъ или словаряхъ мѣстныхъ названій. Болѣе всего матеріала даютъ «Списки населенныхъ мѣстъ Россіи» и «Городскія поселенія російской имперіи». Затѣмъ слѣдуютъ I т. «Галицкихъ пѣсенъ» Головацкаго и VII т. «Трудовъ» Чубинскаго, гдѣ приведены наименованія многихъ сель Галиціи и юго-западнаго края, и «Книга Большаго Чертежа начала XVII ст.», гдѣ находится много названій рѣкъ. Послѣдній источникъ въ историко-географическомъ отношеніи представляется очень цѣннымъ. Въ филологическомъ отношеніи также памятникъ этотъ представляется важнымъ; но при этомъ нужно замѣтить, что нѣкоторыя наименованія южно-русскихъ сель и рѣкъ передѣланы на московскій ладъ, напр., Алмазовъ, малор. Глемязовъ, въ древности, вѣроятно, Емесовъ. Недостатокъ всѣхъ этихъ пособій

состоить въ ихъ односторонности; наименованы села, города и рѣки, недостаетъ названій лѣсовъ, овраговъ, урочищъ; относящіяся къ селамъ преданія пройдены молчаніемъ. Мы имѣемъ въ рукахъ одни голыя названія, не сопровождаемыя комментаріями о причинѣ и времени ихъ возникновенія. Даже краткія, самыя краткія замѣтки, со словъ крестьянъ, о причинѣ названія сель служили-бы пособіемъ для изслѣдователя. Въ такомъ случаѣ въ значительной степени устранилось-бы то препятствіе въ толкованіи собственныхъ именъ, которое нѣмецкій ученый Андресенъ обозначилъ терминомъ конкуренціи объясненій. Напримѣръ, названіе села Злодіевки харьковской губерніи можетъ породить различныя объясненія: или первый его основатель имѣлъ прозвище «злодій», или оно первоначально было заселено людьми преступными, разбойниками, или оно было основано выходцами изъ-за днѣпровскаго села Злодіевки (недалеко отъ Триполья). Чтобы не заблудиться въ объяснительныхъ конкуренціяхъ приходится наводить историческія справки, когда и кѣмъ село основано, справки этнографическія, каковъ нынѣ составъ его населенія по языку и обычаямъ и наконецъ справки топографическія, въ какой мѣстности находится село и какими жилими мѣстами оно окружено. Последняго рода справки также иногда даютъ хорошіе результаты. Такъ, большое село харьковскаго уѣзда Ольшана получило названіе не отъ ольховаго лѣса, какъ можно думать, а вѣроятнѣе отъ Ольшанки близъ м. Богуслава, нынѣшней кievской губерніи, такъ какъ всѣ названія мѣстностей Ольшаной тѣ-же, что встрѣчаются въ Ольшанкѣ Богуславской ¹⁾. Село Перекопъ харьковской губерніи лежитъ на старинномъ Муравскомъ шляху. Этою дорогою татаре обыкновенно вривались въ Россію. Въ защиту отъ нихъ устроенъ былъ широкій и глубокій ровъ съ валомъ, или перекопъ, отчего произошло и названіе вблизи лежащаго села Перекопомъ ²⁾. Село Огульцы харьковской губерніи въ старинныхъ актахъ называется Угольцами, и это названіе прилично мѣстности, такъ какъ она расположена въ углу, образуемомъ здѣсь возвышенностью Курскою ³⁾.

¹⁾ *Архивъ. Филаретъ*, Ист. ст. опис. харьк. еп., т. II, стр. 112.

²⁾ Тамъ-же, стр. 267.

³⁾ Тамъ-же, стр. 297.

Знаніе малорусскаго языка представляется необходимымъ при попыткѣ научнаго объясненія малорусской географической номенклатуры и тѣ лица, которыя брали на себя этотъ трудъ, безъ знанія языка, дѣлали большіе промахи и ошибки. Такъ, покойный профессоръ Аристовъ въ названіи одной улицы г. Харькова Коцарской усмотрѣлъ археологическій памятникъ кочевавшихъ нѣкогда на юго-востокѣ Россіи хазаръ ¹⁾, и эта ошибка, при обширныхъ знаніяхъ и полной научной добросовѣстности Аристова, была результатомъ того, что переѣхавшему въ южную Россію изъ Казани Аристову былъ неизвѣстенъ малорусскій кустарный коцарскій промыслъ. Коцарская улица названа такъ потому, что здѣсь жили коцарки, женщины, изготовлявшія для продажи ковры, «коци». Еще большій промахъ сдѣлалъ польскій ученый Ступницкій. Названіе галицко-русскаго Покутья онъ произвелъ отъ польскаго слова *rokutować*, раскаяваться. сожалѣть, причемъ говоритъ, что римляне, поселившись въ предѣлахъ нынѣшней Румыніи и коломыйскаго округа въ Галиціи, «*więc rokutowali w tym kraju*». Указавъ на эту ошибку, Миклошичъ основательно замѣтилъ, что названіе Покутья происходитъ отъ часто встрѣчающагося малорусскаго слова куть, уголь ²⁾. Достаточно взглянуть на карту Галиціи, чтобы понять угловое значеніе Покутья, гористой области на границѣ Галиціи и Буковины, между Днѣстромъ на ~~востокѣ~~ и Карпатами на ~~западѣ~~.

Малорусская географическая номенклатура развилась на почвѣ географической номенклатуры до-монгольскаго періода русскаго исторіи. Въ лѣтописяхъ находится много указаній на русское населеніе степей и южнаго поморья въ XI—XIV вв., не говоря уже о русскомъ населеніи по среднему Днѣпру и Днѣстру. Главнымъ поприщемъ историческаго развитія русскаго народа въ до-монгольское время были княжества кіевское, волынское, галицкое и чернигово-сѣверское. Въ этихъ областяхъ русское населеніе было густо и потому названія жилыхъ мѣстностей были большею частью русскаго происхожденія. Всмотриваясь въ названія мѣстностей юга Россіи, оставшіяся отъ далекихъ вѣковъ, мы видимъ, что южная Россія, сколько ни была она отчуждена отъ средней Россіи и Руси

¹⁾ *Аристовъ*, О половецкой землѣ, стр. 19.

²⁾ *Miklosich*, Die slav. Ortsnamen aus Appellativen., I, 5.

киевской кочевниками, была знакома русскимъ, болѣе того, мы видимъ въ степной Руси слѣды древнихъ русскихъ поселеній, сохранившіеся въ славянскихъ названіяхъ рѣкъ. На югъ за Каневомъ, который былъ еще въ XI вѣкѣ пограничнымъ городомъ Руси на Днѣпрѣ, по лѣвой сторонѣ его, «ратной», какъ выразился древній лѣтописецъ, въ него впадаютъ: Супой, Золотоноша, Кропивна, Сула съ притоками Выреть, Ромномъ, Лохвицей и Оржицей, Псель съ притоками Ольшаной, Грунями, Хороломъ и Голтвой, Ворскла съ Мерломъ и Коломакомъ, Орель съ Углемъ и Берестовою, Самара съ Овечьей водою, Конская вода. На востокъ отъ Соляной или Муравской дороги въ Азовское море впадаютъ Молочная и Калець. На югъ отъ Бѣлгорода въ Донецъ впадаютъ Уды съ Лопанью, Мжа, Сальница, Осколь съ Валумъ, Красная, Боромля, Ольховата, Лугань, Калитва ¹⁾. За исключеніемъ двухъ, трехъ названій (Сула, Самара, Осколь, Уды) сомнительнаго славянскаго происхожденія, всѣ остальные, здѣсь упомянутыя, встрѣчающіяся на первыхъ страницахъ древней лѣтописи, представляются названіями русскими и впослѣдствіи вошли въ малорусскую номенклатуру, какъ названія свои, родныя.

Украинская географическая номенклатура обширна и разнообразна. Въ сознаніи народа собственными именами закрѣплены даже мелкія урочища, пригорки, ручейки, овраги. Въ крестьянскомъ бытѣ почти каждый пригорокъ, каждый ручей имѣетъ важное значеніе межеваго знака или пограничной черты при распредѣленіи поля на души и потому всегда удостоивается особаго названія, въ крайнемъ случаѣ названія «Безыменный». Въ старинное время граница проводилась по рѣкамъ, по балкамъ, отъ кургана къ кургану. Въ описаніи границъ одной части Запорожья въ 1764 г., составленномъ войсковымъ старшиною Андреемъ Порохнею съ избранными стариками по изустнымъ показаніямъ и урочищамъ, мы встрѣчаемъ живую картину степнаго быта и, какъ характерную его черту, важное значеніе географической номенклатуры и связанныхъ съ нею историческихъ преданій: «отъ устья рѣчки Орели», сказано

¹⁾ *Срезневскій*, въ Извѣст. акад. наукъ, 1860 г., т. VII, стр. 316.

въ этомъ актѣ, «Лысой горки по комисареву Шуялковского могилу, которая потому называется Шуялковского, что на оной комисара Шуялковского запорожскими козаками, въ то время, когда ляховъ запорожцы въ Самары гнали, убито (1635 г.); отъ Рясскихъ могилъ по Громовую могилу, а нынѣ называемую Майданецъ, которая по той причинѣ Громовую называется, что козака на оной громъ убилъ съ конемъ. Отъ той-же могилы до могилъ «Три Браты» прозываемыхъ, которыя потому называются «Три Браты», что при оныхъ давними временами три брата отъ нападенія татарскаго отбились, въ коихъ одного убито, а двухъ живцемъ взято.... отъ Хрящоватой могилы до Дунаевского Байрака (лощина съ мелкимъ лѣсомъ) въ урочищѣ Березѣ, въ которомъ урочищѣ въ байраку сидѣлъ зимовникомъ козакъ Левушковского куреня Сидоръ Дунай, давними временами, и тамо его набѣгши орда погубила, а потому называется Дунаевъ Байракъ... Между Быкомъ и Добровками могила розроблена (т. е. расколана). Отъ тѣхъ-же урочищъ на вершинѣ Гришиной балки могила розроблена и тамо козакъ куреня донского Гриша давними временами татарами пострѣлянъ, потому и балка называется Гришиной» и т. д. ¹⁾ Въ историко-литературномъ отношеніи любопытно древнее преданіе о трехъ братьяхъ, изъ которыхъ одинъ былъ убитъ татарами, а двое взяты въ плѣнъ. Можетъ быть, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ передѣлкой древней думы о бѣгствѣ трехъ братьевъ изъ турецкой неволи и смерти одного изъ нихъ на высокой Савуръ могилѣ. Правда, въ думѣ два старшіе брата уходятъ на коняхъ и бросаютъ на дорогѣ меньшаго брата, пѣшаго; они благополучно достигаютъ роднаго края, а меньшой братъ погибъ на дорогѣ отъ голода и жажды ²⁾. Но дума о бѣгствѣ трехъ братьевъ изъ Азова сложена задолго до 1764 г. и въ Запорожьѣ могли быть особые ея варианты и связанныя съ нею историческія преданія, съ измѣненіемъ главныхъ мотивовъ и съ мѣстными приуроченіями.

Подобнаго рода означеніе границъ по урочищамъ, курганамъ, балкамъ и въ настоящее время встрѣчается повсемѣстно въ Малороссіи; напримѣръ, въ сѣверо-западныхъ уѣздахъ харьковской гу-

¹⁾ Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, изд. 3, т. I, стр. 104.

²⁾ Антоновичъ и Драгомановъ, Историч. пѣсни, т. I, стр. 106.

берніи мы встрѣчаемъ крайне дробныя топографическія обозначенія. Такъ въ одной мѣстности ахтырскаго уѣзда, при чрезполосности владѣнія землевладѣльцевъ и крестьянъ, на небольшомъ полѣ сосредоточены земельныя владѣнія многихъ лицъ, отъ 1 до 5 десят. величины, въ перемежку съ полосками крестьянской земли—надѣльной и частной крѣпостной. Крестьяне опредѣляютъ, и землемѣръ наноситъ на планъ земли по урочищамъ Воликовыхъ могилокъ, которыя однако такъ распаханы и смыты дождями, что еле-еле замѣтны надъ землей, по едва замѣтной Росоховой лощинѣ, по ярочку Тернашъ, въ которомъ нѣкогда дѣйствительно росло нѣсколько терновыхъ кустовъ, а теперь они до одного выкопаны и т. д. Такого рода урочища, какъ Воликовы могилки, должны скоро совсѣмъ исчезнуть подъ плугомъ, и одновременно съ ними исчезнетъ связанное съ ними преданіе о шведахъ, будто бы похороненныхъ въ этихъ курганахъ.

Степень устойчивости мѣстныхъ собственныхъ именъ весьма различна, по роду и свойству мѣстности. Долговѣчность имени зависитъ отъ величины предмета. Названія большихъ рѣкъ и городовъ сохраняются нерушимо въ теченіи столѣтій и даже тысячелѣтій. Днипро старый, Днѣпръ Славутичъ сохранилъ свое имя въ теченіи двадцати вѣковъ. Названія мелкихъ селеній, ручьевъ, улицъ измѣняются иногда довольно быстро, напримѣръ, дважды въ столѣтіе. Такъ, мѣстечко Мизяковъ подольской губерніи въ прошломъ столѣтіи называлось Колумновъ, мѣстечко Подолье подольской губерніи въ прошломъ столѣтіи называлось Буцнѣвцами, а въ XVI столѣтіи Мартыновцами, мѣстечко Шаргородъ подольской губерніи въ XVI столѣтіи называлось Корчмаровымъ, въ XV столѣтіи Карачовымъ, а въ XIV, м. б., Княжей Лукой¹⁾, г. Никополь екатеринославской губерніи въ старину назывался Никитинымъ Перевозомъ, Никитинымъ Рогомъ. Въ одномъ селѣ ахтырскаго уѣзда лѣтъ десять назадъ была улица Голая; теперь она называется Красный Куть, потому что застроилась и заросла садами.

Множество малорусскихъ селъ по названію сходно съ селами въ другихъ славянскихъ земляхъ. По замѣчанію Я. О. Головацкаго,

1) *Городск. поселенія*, т. IV, стр. 101, 110, 114 и 126.

сопоставленіе славянскихъ географическихъ названій весьма поучительно. Несмотря на долговѣчное разьединеніе славянъ и отчужденіе ихъ другъ отъ друга, отличительная черта славянскаго единства проявляется въ тождественности наименованій странъ, горъ, рѣкъ, городовъ, селеній и пр. въ различныхъ земляхъ славянщины. Внимательный читатель славянскихъ картъ и географическихъ сочиненій пораженъ будетъ часто встрѣчающимися точъ въ точъ тѣмиже названіями мѣстностей, горъ и рѣкъ въ разныхъ, на большомъ разстояніи находящихся, земляхъ. Цѣлые десятки названій городовъ, сель, рѣкъ и горъ, лежащихъ на сѣверѣ Карпатъ и въ Галичинѣ, повторяются въ Чехіи и даже за Дунаемъ, въ Сербіи, Хорватіи, Далмаціи и Черногоріи»¹⁾. Чтобы наглядно убѣдиться въ большомъ сходствѣ мѣстныхъ названій славянскихъ народовъ, достаточно взглянуть во второй томъ «Die slavischen Ortsnamen aus Appellativen» Миклошича. Здѣсь на 789 темъ приведено множество сходныхъ мѣстныхъ названій русскихъ, польскихъ, чешскихъ, хорватскихъ, сербскихъ, болгарскихъ.

Окончанія мѣстныхъ названій разнообразны и въ большинствѣ тождественны съ окончаніями личныхъ и фамильныхъ прозваній. Здѣсь перечислимъ слѣдующія:

а, я: Ви́ла, Яво́ря.

е ъе: Во́лосате, Ря́бе, Ку́нѣ, Заго́рье.

ный, ная, нее: О́льшаный, Зако́тная, Ха́тнее.

на, ня, но: Ви́льшна, Ло́кня, Ма́лижино.

ья: Ко́ломыя, По́ломыя.

ба: Во́рожба, Жу́рба.

ва (ьва): Ко́тельва, Ва́рва, Жо́лква, И́ква (рѣ́ка).

га (ьга): Те́тлега, Кабу́рья.

ха (аха, иха, уха): Ни́цаха, Се́ниха, Гре́чиха, Ме́духа.

акъ, якъ: Ко́ломакъ, Ду́бнякъ, Бе́резнякъ.

икъ, екъ: До́лжикъ, Бо́брикъ, Сме́рекъ.

окъ: Ко́четокъ, Ясе́нокъ, Бе́рестокъ.

нько: По́руденько, Криве́нко.

сько: Сла́всько, Бо́сько, Пере́гиньско.

¹⁾ Головацкий, Георг. Словарь, т. XX.

- ка*: Бабка, Буковинка, Писаревка.
ки: Борки, Валки, Ростокн.
ма: Гольма, Больма.
ла: Смѣла, Тузла.
ля: Боромля, Хотомля, Радомля.
оль, овль: Хороль, Теревовль.
ань: Лопань, Рогань, Лугань.
инь: Люботинь, Песочинь, Лебединь.
ны: Тростяны, Биляны, Долины.
овъ, евъ, ово, ево: Салтовъ, Змievъ, Бочково, Добрышево.
ище: Городище, Ставище, Кутище.
ець: Липовець, Кривець, Смерековець.
ице: Сельце, Колоденце.
ица: Волица, Коровица, Быстрица.
ай: Каврай, Несвѣтай, Бакай.
ачъ: Россохачъ, Лошачъ, Бульбачъ.
ичъ: Коротичъ, Модричъ.
ча: Команча, Теречча.
ра: Хухра, Мотора, Тятра.
аръ, арь: Погарь, Мгарь.
иа, ша: Гомольша, Конюша, Лутища.
та: Голта, Гопта.
ата: Мохната, Лисковата.
и: Сумы, Торы, Куты, Уды, Виры, и послѣ шипящихъ на *и*:

Мохначи, Деркачи.

Нѣкоторые суффиксы рѣдко встрѣчаются въ мѣстныхъ названiяхъ, напримѣръ *ай*. Окончанiя на *ко* (ьско, нько) встрѣчаются почти исключительно въ Галиціи. Въ Малороссiи вмѣсто него общны окончанiя *ка* или *ки*. Наибольше распространены въ Малороссiи мѣстныя названiя съ окончанiями на *и* или *и*, что объясняется особенной склонностью мѣстныхъ названiй къ множественному числу и проистекающимъ отсюда подавляющимъ преобладанiемъ формъ множественнаго числа надъ формами единственнаго числа. Согласная *в*, находясь передъ окончанiемъ *ля*, иногда измѣняется въ *м*; по крайней мѣрѣ, переходъ *в* въ *м* замѣтенъ въ харьковской губерніи, напримѣръ, въ названiяхъ: Боромля, Радомля. Большое и торговое село харьковской губерніи Боромля въ документахъ про-

шлаго столбѣтя называется еще Боровлей отъ бора, который здѣсь нѣкогда росъ. Нельзя сказать, чтобы это фонетическое измѣненіе было явленіемъ новымъ. Такъ, протекающая въ харьковской губерніи небольшая рѣка Хотомля, давшая названіе с. Хотомлѣ, встрѣчается съ этимъ названіемъ еще въ Книгѣ Большаго Чертежа начала XVII ст. «...Хотомль впала въ Донецъ, а отъ рѣчки Хотомли»¹⁾... Въ лѣтописяхъ и въ Книгѣ Большаго Чертежа упоминается г. Радомысль, нынѣ м. Радомля могилевской губерніи, м. б. сюда относится названіе польскаго г. Радомъ. Если допустить во всѣхъ этихъ случаяхъ переходъ *o* въ *m*, а въ польскомъ *Radomъ* отвердженіе слова, съ пропускомъ *l*, то переходъ этотъ имѣлъ мѣсто еще въ глубокой древности.

Мѣстныя сѣственные имена подвергаются фонетическимъ измѣненіямъ, согласно съ особенностями мѣстнаго нарѣчія или говора. Такъ, въ Бессарабіи есть Садкоуцы, Раманкоуцы, въ люблинской губерніи Добромиряжи, Гродельки, въ Галиціи Прелуки, Барвѣнокъ. Измѣненія вообще незначительны: употребленіе подъ польскимъ вліяніемъ неполногласной формы, замѣна *o* посредствомъ *y*, *u* посредствомъ *e* и т. п. Иногда впрочемъ измѣненіе одной гласной буквы, даже случайное, затемняетъ смыслъ слова. Такъ, въ харьковской губерніи находится село Закотная, на правой сторонѣ р. Айдара. Значеніе словъ: *угловая*, *закутная*, забыто и названіе села немного измѣнилось послѣ того, какъ измѣнилось его положеніе. Первоначально оно основалось между р. Айдаромъ и озеромъ закотнымъ (закутнымъ).

Съ теченіемъ времени мѣстныя собственные имена измѣняются относительно окончанія. Такъ, р. Лопина въ Книгѣ Большаго Чертежа нынѣ называется Лопань, рѣка и село полтавской губерніи Буромка въ древности носили названіе Буромль, с. Лукомье полтавской губерніи въ древней лѣтописи называется Лукомля.

Вообще окончанія мѣстныхъ собственныхъ именъ находятся во взаимномъ тяготѣніи и встрѣчаются часто въ приложеніи къ одному и тому-же имени въ разныхъ мѣстностяхъ, на примѣръ: Должикъ въ харьковской губерніи, Должокъ въ Бессарабіи и Должикъ

¹⁾ Книга Б. Чертежа, изд. Спасскаго, стр. 23, 30.

въ Галиціи; Котельва въ харьковской губерніи, Котельна въ Бессарабіи, Котели въ херсонской губерніи и Котлово въ кievской и екатеринославской губерніяхъ; Пневье въ Галиціи и Пневно въ люблинской губерніи, Липовець въ люблинской губерніи, Липняки въ кievской губерніи, Липняжка въ херсонской губерніи и Липцы въ харьковской губерніи, Лубянка въ херсонской губерніи, Лубне въ Галиціи и Лубны въ полтавской губерніи; Дубина въ полтавской губерніи, Дубне въ Галиціи и Дубно въ волинской губерніи; Смеречне, Смеречка и Смероковецъ въ Галиціи; Коломыя въ Галиціи и Коломакъ въ харьковской губерніи (въ средней Россіи Коломна). Подобное распредѣленіе суффиксовъ при темъ имени существительнаго въ мѣстныхъ названіяхъ встрѣчается во всемъ славянствѣ. Миклошичъ въ «Die slav. Ortsnamen aus Appellativen» насчиталъ 115 славянскихъ мѣстныхъ названій отъ слова *лина*, 130 отъ сл. *дубъ*, 31 отъ сл. *смереча*, при чемъ встрѣчаются тождественныя съ малорусскими по темъ и суффиксу.

Часто встрѣчаются сложные мѣстныя названія, состоящія или 1) изъ предлога и имени существительнаго: Загребелье, Нагоряны, Пидгайцы, или 2) изъ имени прилагательнаго и имени существительнаго: Краснокутскъ, Ясногородка, Тихополье, или 3) изъ соединенія имени числительнаго съ именемъ существительнымъ: Пятихатки, Сорокопановка, Триполье, или 4) изъ соединенія двухъ именъ существительныхъ: Павлодаръ, Марѳополье, Райгородъ.

Въ составъ сложныхъ мѣстныхъ именъ обыкновенно входятъ слова:

1) *Поле* или *полье*: Павлополье, Злотополье, Бѣлополье, Краснополье, Триполье, Мирополье, Великополе, Райполе. Эти и подобныя названія встрѣчаются во всѣхъ южно-русскихъ губерніяхъ и въ Галиціи. Названіе уѣзднаго города подольской губерніи Ямполь, вѣроятно, представляетъ измѣненіе Янполя или Янополья. Въ херсонской губерніи находимъ село Янополь.

2) *Куть*: Золотой Куть, Любикуть, Красный Куть, Веселый Куть, Гавриловъ Куть, Свинячій Куть. Слово *кутъ* означаетъ уголь, край села. Отдѣльно встрѣчается въ обозначеніи сель въ единственномъ и преимущественно во множественномъ числахъ: Куты въ Галиціи, откуда Покутье. Въ галицко-русской пѣснѣ поется: «Ой славная Коломыя, ще славнійши Куты».

3) *Мирз* или *мирз*: Миргородъ полтавской губерніи, Добромиръ въ любл. и радом. губ., Буймери въ харьк. губ., Немировъ подол. губ. Народное преданіе утверждаетъ, будто на мѣстѣ с. Немирова стоялъ нѣкогда Мировъ, разоренный потомъ татарами въ первое появленіе ихъ въ этомъ краѣ, а позднѣе близъ истребленнаго города возникло новое поселеніе, которое уже называли Немировъ¹⁾; но преданіе это лишено исторической истины.

4) *Родо*: Радомысль кiev. губ., Радогощь, Радомля или Радощъ въ черниг. губ., по Книгѣ Большаго Чертежа²⁾.

5) *Гостъ*: Доброгость, Радогость, Гостомля въ кiev. губ. Сложныя слова этого разряда малочисленны. Въ нихъ сохранилось воспоминаніе о древней торговлѣ, о древнемъ купцѣ, гостѣ.

6) *Кара*, татарскаго происхожденія, въ началѣ мѣстныхъ именъ и фамильныхъ прозваній: Карачагъ, Карасу, Караголь, Карачунъ, Карабашъ. Слово *кара* означаетъ въ турецко-татарскомъ языкѣ черный. Сюда относятся фамильныя названія: Карагеоргіевичъ, Карамзинъ, Каратыгинъ.

7) *Лыкз*, татарскаго происхожденія, въ концѣ мѣстныхъ названій: Чертомлыкъ, Тагамлыкъ, Каганлыкъ, Сазанлыкъ, Кагарлыкъ, Чачанлыкъ.

8) *Клея* или *глея*, татарскаго происхожденія: Бадаклея, Громклея, Суклея, Чичikleя въ херс. губ., Ирклея въ кievск. губ., Самоклея въ любл. губ., Дереклея (срав. турец. названія Буюк-дере, вблизи Константинополя и Таки-дере, вблизи Бургаса). Сложныя мѣстныя названія съ *клея* или *глея* (Калаглея) въ концѣ встрѣчаются преимущественно въ степныхъ мѣстахъ.

Въ словообразованіи мѣстныхъ именъ важную роль играютъ простонародныя формы личныхъ именъ. Значительное число мѣстныхъ собственныхъ именъ произведено отъ обиходныхъ въ простомъ народѣ личныхъ именъ. Въ Малороссіи встрѣчаются слѣдующія простонародныя формы личныхъ именъ:

Андрійко (Андрій).

Андрушко (Андрій).

Вакула (Вуколь).

Василина, Васса (Василиеа).

Василь, Васько, Васюта (Василій).

Векла (Оекла).

Веремій (Іеремія).

¹⁾ *Город. посел.* въ Рос. имп., . IV, стр. 37.

²⁾ *Книга Б. Ч.*, изд. Спасскаго, стр. 253.

Бивдя (Евдокія).
 Гаврикъ (Гаврииль).
 Галя, Ганна, Гандзя (Анна).
 Гануся, Ганулька (Анна).
 Гапка, Гапуся (Агаѳія).
 Гапонъ (Агаѳонъ).
 Гарасько, Гарасимъ (Герасимъ).
 Гнатъ, Гнатко (Игнатій).
 Горпина (Аграфена, Агрип-
 пина).
 Грянъка, Грыць, Грыцько (Гри-
 горій).
 Гурко (Гурій).
 Данько (Даніиль).
 Демко (Даміанъ).
 Денисъ и Дешко (Діонисій).
 Дорошъ (Дороеей).
 Евдоха (Евдокія).
 Евхрмъ (Евфимій).
 Енка (Іона).
 Иванко, Иванецъ, Ивась, Ива-
 шка, Ивахно (Іоанъ).
 Илько, Иллюха (Илія).
 Каленикъ (Калиникъ).
 Катря (Екатерина).
 Килина, Кулина (Акилина).
 Купріянь (Кипріянь).
 Лесько (Алексѣй).
 Луця, Луцька (Лукія, Лукерія).
 Левко (Левъ, изрѣдка Леонтій).
 Левонъ (Леонтій).
 Маруся (Марія).
 Матвійко, Мацько (Матѳій).
 Микола (Николай).
 Митро (Димитрій).
 Мотря (Матрона).
 Мусій (Моисей).

Нимидора (Минодора).
 Ничипоръ (Никиѳоръ).
 Овдій (Авдій).
 Овсій (Евсевій).
 Одарка (Дарія).
 Оксана (Ксенія).
 Олелько (Александръ).
 Олена, Олеся (Елена).
 Олешко (Алексѣй).
 Омелько (Емельянъ).
 Оноцрій (Онуфрій).
 Ониско (Онисимъ).
 Опанась (Афанасій).
 Оришка (Ирина).
 Остапъ (Евстафій).
 Охримъ (Ефремъ).
 Панько (Пантелеймонъ).
 Парася (Параскева).
 Пархимъ (Парѳеній).
 Педоря (Ѳеодора).
 Петько (Петръ).
 Пилипъ (Филиппъ).
 Пошій (Пашій).
 Прися (Евфросинія).
 Радько (Родіонъ).
 Самко (Самсонъ).
 Самусъ (Самсонъ).
 Свиридъ (Спиридонъ).
 Сенько (Семень).
 Сидоръ (Исидоръ).
 Солоха (Соломонида).
 Стеха, Степанида (Стефанида).
 Супрунь (Софроній).
 Таця (Татьяна).
 Текля (Ѳекла).
 Терешко (Терентій).
 Тымишъ, Тимко (Тимоеей).

Титяна (Татьяна).	Хвесько, Фесько (Θеодосій).
Тишко (Тихонъ).	Хивря (Февронія).
Трохимъ (Трофимъ).	Хима, Химка (Евфимія).
Уласъ (Власій).	Хома (Θома).
Уляна (Уліанія).	Хтодоря (Θеодора).
Устя (Устинія).	Якимъ (Іоакимъ).
Хаброня (Февронія).	Ярема (Іеремія).
Харько (Захарій, и отъ Харитонъ).	Яреско (Іерофей?).
Хведиръ, Хведько (Θеодоръ).	Ярошъ (Іерофей?).
Хвенна (Хіонія).	Яцько (Іаковъ).
Хвеса, Феса (Θеодосія).	Юрко (Георгій).
	Юхимъ (Евфимій).

Списокъ этотъ можетъ быть значительно расширенъ, во первыхъ, внесеніемъ сокращенныхъ личныхъ именъ, являющихся продуктомъ личнаго произвола, напр., Леся, Петруня, Юрася, во вторыхъ, внесеніемъ мѣстныхъ сокращеній, напр. подъ вліяніемъ польскаго языка среди малоруссовъ люблинской губерніи и Галиціи, какъ Бутримъ отъ Варѳоломей, Янъ отъ Іоаннъ. Названія городовъ и сель по личному имени въ Малороссіи очень многочисленны, особенно въ восточныхъ ея частяхъ, въ губерніяхъ харьковской, екатеринославской и воронежской. Нѣкоторыя мѣстныя названія по личному имени возникли въ очень древнія времена, напримѣръ г. Алешки таврической губерніи. Городъ этотъ въ лѣтописяхъ упоминается подъ именемъ Олешья, въ генуэзскихъ актахъ Елехе или Елесе, у восточныхъ географовъ Алеска. Городокъ этотъ считался русскимъ, но въ немъ постоянно находились греческіе торговцы¹⁾.

Число названій жилыхъ мѣстъ по личному имени въ календарной формѣ въ Малороссіи значительно: Аврамовка, Дарьевка, Исаіе (въ Галиціи). Часто встрѣчаются названія сель отъ простонародныхъ формъ личнаго имени: Пилипча, Пилипенка, Домаха, Вереміевка, Уласивка, Андрушина, Ромасевъ, Грицуновъ, Грицейковъ, Самусевка, Панасовка, Радьковка, Сеньковка, Вассовка (херс. губ.), Гапсина, Стецовка, Навлынь, Богуша (отъ имени Богданъ).

¹⁾ Город. поселенія, т. IV, стр. 660.

Значительное большинство названій сель по личному имени возникло посредством перевода во множественное число имени первоначальнаго жителя, на примѣръ: Еньки, Богданы, Иванки, Ивашки, Грины, Гринки, Васильки, Павленки, Павлоги, Левки, Лукаши, Яковцы, Юрки, Савинцы, Савки, Денисы. Изрѣдка встрѣчаются подобныя названія сель отъ женскаго имени, напр.: Феньки. Названіе города Ромны происходитъ отъ личнаго имени Романъ чрезъ форму множественнаго числа Романы. Въ Книгѣ Большаго Чертежа читаемъ: «А выше Глинска 20 верстъ пала въ Сулу рѣчка Романъ, а на устьѣ градъ Романъ»¹⁾. Въ настоящее время въ полтавской губерніи находятся села съ названіями Романъ и Романиха.

Многія названія хуторовъ и сель произведены отъ фамильнаго прозвища перваго ихъ поселенца, большею частью съ переводомъ этого прозвища во множественное число, на примѣръ: Потебни, Циркуны, Щербани, Новаки, Шамраи. Бацманы, Вергуны, Верещаки, Верескуны, Бреусы, Брыси, Брижаки, Бринцы, Гудимы, Скоробогатки, Чернобаи. Встрѣчаются подобнаго рода наименованія сель и въ формахъ единственнаго числа, напр. Мазепинъ, Паліевъ, Осовикъ, Гордивка, Бакай, Бакаевка, Вродливецъ, Пятибратская, Пятаковщина, Безпальче, Шелегодовщина, Свѣтличное, Сагайдашняя. Какъ видно изъ приведенныхъ названій сель полтавской губерніи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ обнаруживается полное звуковое тождество между фамильнымъ прозвищемъ и мѣстнымъ названіемъ; замѣтно впрочемъ стремленіе народной мысли обозначить отличіе мѣстнаго названія съ помощью окончаній *инъ, евъ, скій, овицина*.

Въ екатеринославской губерніи встрѣчается много сель съ названіемъ, состоящимъ изъ двухъ личныхъ именъ, мужскаго и женскаго, на примѣръ: Ивано-Дарьевка, Петро-Марьевка, Петро-Еленовка. Иногда на первомъ мѣстѣ стоитъ женское, за нимъ слѣдуетъ мужское имя, напр. Елено-Константиновка, Катерино-Григорьевка. Одно село называется Иванъ да Марья. Въ юго-западномъ краѣ такія названія сель очень рѣдко встрѣчаются, а въ Галиціи совсѣмъ не встрѣчаются. Повидимому, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ помѣщичьими селами, получившими имя по волѣ владѣльца отъ его имени и имени его жены.

¹⁾ Книга Б. Ч., изд. Спасекаго, 94.

Чаще встрѣчаются наименованія сель по званію помѣщика: Генераловка, Княжа, Грапивка, Маіорская и еще чаще по фамилиі помѣщика, напримѣръ: Беккеровка, Касперовка, Бутовичевка, Штейнеровскій, Кантакузино, Пассековка. Нѣкоторыя изъ этихъ названій служатъ своего рода археологическими памятниками владѣвшаго нѣкогда этими мѣстами богатаго дворянства. Въ названіи украинскихъ сель сохранились имена нѣкоторыхъ историческихъ дѣятелей. Такъ село Левендаловка харьковской губерніи носить на себѣ имя барона Левендаля, который въ войнахъ Миниха 1737—1739 г. командовалъ артиллеріей. Левендаль основалъ и населилъ Левендаловку, но вскорѣ затѣмъ въ 1747 г. оставилъ Россію.

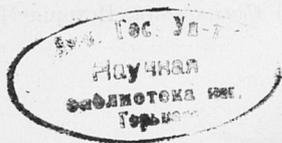
Много сель названо по панскому произволу. Такъ извѣстный польскій самодуръ половины XVIII ст. Николай Потоцкій заселялъ новыя села, привлекая поселянъ различными льготами, и потомъ тѣшилъ своими селами, пьянствовалъ въ нихъ, спаивалъ громады и давалъ селамъ названія Пии, Пивци, Николаевка и Потокъ ¹⁾. Въ Малороссіи повсемѣстно, преимущественно въ екатеринославской губерніи, встрѣчаются села съ названіемъ, сочиненнымъ владѣльцемъ, причемъ въ названіи села выражается иногда способъ полученія деревни и отъ кого получена; напримѣръ: Божедарова, Судьбодаровка, Царедаръ, Марьинъ Даръ, Павлодаръ, Ивановдаровка, Братинъ Даръ, Божій удѣль, Милость князя, Милость Куракина. Въ верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи, встрѣчается даже поселокъ Богъ-ми-даде. Въ этихъ наименованіяхъ сель находится отзвукъ той эпохи, когда бывшія владѣнія запорожскихъ козаковъ были разобраны вельможами Екатерины II и послѣдними иногда раздавались въ подарокъ другимъ лицамъ. Получавшіе жирные куски смиренно видѣли въ такомъ полученіи или даръ, или милость со стороны давшаго. Искусственными названіями сель представляются также слѣдующія: Затишье, Пріятная Долина, Мирная Долина, Благодатная Мыза, Благодатное сельцо, Привольная, Отрада, Убѣжище, Пріютъ, Кинь-горе, Доля, Суженое, Побѣда, Родина. Въ особенности курьезными являются наименованіе сель именами чужихъ, иноземныхъ странъ, городовъ, замковъ,

¹⁾ Клев. Стар., 1885 г., т. X, стр. 237.

мысовъ. И въ этомъ случаѣ выразился колонизаціонный характеръ заселенія Новороссіи, и притомъ не въ силу естественнаго экономическаго хода народной жизни, а на первое время преимущественно по произволу и согласно съ выгодами отдѣльныхъ лицъ дворянскаго происхожденія, вкусившаго литературнаго сентиментализма. Полнымъ самодурствомъ и нелѣпыми выдумками, непонятными и дикими для народнаго слуха, представляются, на примѣръ, слѣдующія наименованія сель: въ екатеринославской губерніи Мысь Доброй Надежды, Зеленый мысь, Персія, Китай городъ, въ полтавской губерніи Дамаскъ, въ частности, въ лохвицкомъ уѣздѣ Фонтенебло, въ роменскомъ уѣздѣ Монплеизиръ, а въ золотоношскомъ Троя и Пальмира.

Замѣтимъ особо о названіи сель Польшей, встрѣчающемся въ губерніяхъ екатеринославской и полтавской и въ Галиціи. Названіе это имѣетъ самостоятельное происхожденіе и не составляетъ простаго перенесенія слова съ наименованія бывшаго нѣкогда государства польскаго. Оно употребляется въ приложеніи къ небольшой низменной части Галиціи въ отличіе отъ гористаго Покутья или коломыйскаго округа, а также къ нѣкоторымъ селамъ, представляющимъ обиліе полей. Эту особенность слова Польши нужно имѣть въ виду при чтеніи малорусскихъ, преимущественно галицко-русскихъ пѣсень. Въ нихъ встрѣчаются выраженія: «Ой нема въ Польшѣ добра, та, вѣдай, и не будетъ», или: «Ой не маемо, цесарику, що въ Польшѣ сидѣти» (отъ польскихъ и жидовскихъ притѣсненій). Было-бы ошибочно здѣсь слишкомъ расширять значеніе слова «Польша» и видѣть въ этихъ пѣсенныхъ выраженіяхъ мнѣніе галицко-русскаго народа о Польшѣ этнографической или бывшей государственной. Рѣчь идетъ не болѣе, какъ о галицко-русскихъ ополянахъ, или жителяхъ тарнопольскаго и чортковскаго округовъ. Угорскій гуцуль и верховинець называютъ Польшей, между прочимъ, низменную страну надъ р. Тисой, представляющую собою сплошныя поля¹⁾. Къ тому-же варианты приведенныхъ пѣсень прямо указываютъ на весьма ограниченный въ данномъ случаѣ объемъ слова «Польша», какъ-то: «Ой нема добра въ горахъ», «Ой не маемо, цесарику, шо на Руси сидѣти».

¹⁾ Головацкий, О костюмахъ, стр. 811.

Въ старину, при подчиненіи Малороссіи Польшѣ, и въ новое время, послѣ перехода Малороссіи въ подданство Московскаго государства, т. е. съ 1654 г. возникали города и села съ названіями по имени государя или по имени выдающихся государственныхъ дѣятелей. Такъ г. Батуринь, въ старинное время Баторинь, получилъ названіе отъ имени короля Стефана Баторія, заложившаго этотъ городъ въ 1576 г. ¹⁾ Въ концѣ XVI в. Янъ Замоійскій построилъ замокъ и городъ Шаргородъ въ честь родоначальника Замоійскихъ Флоріана Шараго ²⁾. Въ тоже время брацлавскій воевода Стефанъ Потоцкій построилъ замокъ и городъ на Днѣстрѣ и назвалъ его Могилевомъ, въ честь своего тестя, молдавскаго господаря, Михаила Могилы ³⁾. Въ царствованіе Елизаветы Петровны и Екатерины II возникли города Елисаветградъ, Екатеринославъ, позднѣе Константиноградъ (по имени в. кн. Константина Павловича). Въ число лицъ, имена которыхъ легли въ основаніе южно-русскихъ мѣстныхъ названій, попалъ св. Димитрій Ростовскій. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія была построена крѣпость св. Димитрія Ростовскаго. При крѣпости скоро образовалась торговая слобода, получившая въ просторѣчій названіе Ростова, которое съ теченіемъ времени и укрѣпилось за нею.

Изрѣдка встрѣчаются мѣстныя названія, вызванныя историческими событіями, отношеніями малорусскаго народа къ сосѣднимъ народамъ или отношеніями крестьянскаго сословія къ государственной власти. Такъ въ херсонской губерніи встрѣчается с. Гардо-Громоклейская, отъ слова гардь, которымъ у запорожскихъ козаковъ назывался пограничный сторожевой постъ ⁴⁾; названіе Подымщина указываетъ на подать съ дыма, т. е. дома; названіе Слобода указываетъ на то, что первые поселенцы села освобождены были отъ несенія государственныхъ повинностей.

Встрѣчаются названія селъ по имени церкви или святаго, которому посвященъ мѣстный храмъ, очевидно великорусскія, какъ-то: Церковная, Новодерковная, Богодуховъ, Воздвиженка, Борисоглѣбовка, Покровское, Святодуховка, Архангельское, Николь-

¹⁾ *Ришельманъ*, Лѣтоп. повѣств. о М. Р., т. I, стр. 24.

²⁾ *Город. поселенія*, т. IV, стр. 115.

³⁾ Тамъ-же, стр. 54.

⁴⁾ *Скальковский*, Исторія Новой Сѣчи, т. I, стр. 41.

ское. Такъ какъ церковь не сразу возникаетъ въ селѣ, а послѣ того, какъ оно успѣетъ достаточно развиться и увеличиться, то, нужно думать, названія селъ по мѣстной церкви замѣнили другія названія, существовавшія до построения церкви.

Довольно рѣдко встрѣчаются села съ названіями, указывающими, откуда вышли поселенцы. Сюда относятся: село Черниговка, харьковской губерніи, названное по первоначальному мѣсту жительства перваго поселенца, малорусса черниговской губерніи, Моисея Щеглова, харьковскія села Ольшана и Злодѣвка по имени Ольшанки и Злодѣвки кievской губерніи, черноморскія села Платнировское, Незамаевское, Уманское, Батуриное, получившія названія отъ основателей ихъ, выходцевъ изъ запорожскихъ куреней, или обширныхъ сѣчевыхъ хатъ съ поименованными названіями, вмѣщавшихъ въ себѣ каждая около трехъ сотъ человѣкъ.

Названія нѣкоторыхъ селъ указываютъ на давность заселенія или на вѣшній видъ села, напримѣръ: Новая, Новоселки, Новоселовка, Новокатный, Старово, Старое, Великій, Малый, Мальцы, Куцый, Должикъ, Крулякъ, Глубокое, Степная, Ровня, Плоское, Парное (изъ двухъ селъ), Однобоковка, Стайки (хаты разсыпаны кучками, какъ въ полѣ «стайки» ржи), Выползки (на возвышенности), Росоховатка (расходится подъ острымъ угломъ, въ родѣ росохи), Пересѣчная (прорѣзанная большимъ торговымъ шляхомъ).

Нѣкоторыя села получили названіе отъ цвѣта почвы, ими занимаемой, напримѣръ: Бѣлый, Бѣлгородка, Бѣломѣстная (отъ мѣловыхъ горъ), Червоновка, Красная, Красногородка (отъ красной глины), Желтая (на пескахъ), Зеленая (луговая). Названіе г. Черниговъ, повидимому, происходитъ отъ чернолѣся, чернаго гая. Подобнаго рода названія часто встрѣчаются въ Малороссіи, напримѣръ: Чернолѣска, Чернополе, Черногорка, Черниговка въ херсонской губерніи, Чернобыль кievской губерніи, Чернорики и Черноловка въ Галиціи ¹⁾.

Довольно характернымъ отдѣломъ мѣстныхъ названій представляются названія по количеству хатъ первыхъ поселенцевъ или по раздѣленію села на части, или, въ приложеніи къ рѣкѣ, по числу

¹⁾ Списки насел. мѣстъ, т. XLVII, стр. 742, 66; *Город. посел.*, т. II, 430; Miklosich, Die slav. Ortsnamen, т. II, § 71.

главныхъ источниковъ. Сюда относятся названія селъ: Трихаты херсонской губерніи, Пятихатки, Семихать, Двадцатихать екатеринославской губерніи, Шестерня (херсонской губерніи), Сорокопановка харьковской губерніи (Объ этомъ любопытномъ селѣ см. сочиненія Г. П. Данилевскаго, II, 229—253), Пятигоры кievской губерніи. Двуручная харьковской губерніи, названная такъ потому, что отъ этого хутора расходились двѣ большія дороги. Названіе рѣки Сеймъ, повидимому, происходитъ отъ того, что эта рѣка въ обоянскомъ уѣздѣ курской губерніи вытекаетъ изъ семи отдѣльныхъ ключей¹⁾. Въ памятникѣ начала XVII ст., Книгѣ Большаго Чертежа, рѣка эта нѣсколько разъ упоминается подъ однимъ именемъ Семь²⁾.

Малороссіане хорошо знакомы съ горами. Отроги Карпаты спускаются въ Галицію и Подолію. Урало-Карпатская гряда мѣстами представляетъ значительныя возвышенности. Правый берегъ малорусскихъ рѣкъ почти всегда болѣе или менѣе гористый, иногда крутой и обрывистый, иногда покатыи и лѣсистый, прорѣзанный выходящими къ рѣкѣ ярами и балками. Многія села въ Малороссіи получили названіе отъ словъ *гора*, *скала*, *стинка*. Таковы: Горка, Горское, Горовый, Горовещина, Подгорная, Высокогорка, Лысая гора, Островерховка отъ острыхъ возвышенностей горъ, Гороховатка, потому что помѣщается въ пяти глубокихъ оврагахъ и какъ-бы прячется въ горахъ, Скала въ кievской губерніи, Скелька, Скелевата на берегахъ Днѣпра въ екатеринославской губерніи.

Въ полтавской и харьковской губерніяхъ встрѣчаются село Валковщина и городъ Валки отъ валковъ, т. е. волнистаго расположенія возвышенныхъ мѣстъ.

Въ восточной Малороссіи, въ харьковской губерніи въ частности крутой, гористый берегъ рѣки называется стинкой, откуда названіе села Барвинкова Стинка. Сюда-же относится названіе села Пристѣня купянскаго уѣзда. Село это надъ рѣкою Осоломъ на горѣ. Крутая стѣна горы носить названіе Пристѣнь, откуда и село Пристѣнь³⁾.

Въ Галичинѣ, въ полтавской и кievской губерніяхъ встрѣчаются Горбы, Горбовщина, Горбъ Высокій, Круглыя горбы, Горбки. Въ этихъ

¹⁾ *Дмитрюковъ*, въ *Этнограф. Сборн.*, т. V. Смѣсь, стр. 24.

²⁾ *Книга Б. Ч.*, изд. Спасскаго, стр. 11, 12, 84, 86, 87.

³⁾ *Архіеп. Филаретъ*, *Ист. ст. опис. харьк. еп.*, т. X, стр. 216.

названіяхъ хранится древне-славянское наименованіе горы горбомъ, откуда пошло названіе цѣлаго народа, хорваты.

Въ гористой части Галиціи сохранилось древнее слово *дѣль*, *дилъ* въ значеніи горы. Слово это, между прочимъ, сохранилось въ галицкихъ мѣстныхъ названіяхъ, напримѣръ: Русскій дѣль, Ямненскій дѣль.

Значительный интересъ представляетъ наименованіе одного села полтавской губерніи Бердовщиной. Принимая во вниманіе, что въ личныхъ и мѣстныхъ собственныхъ именахъ удержались иногда древнія слова, въ послѣдствіи вышедшія изъ употребленія, мы думаемъ, что въ приведенномъ названіи скрывается *берда*, слово до-нынѣ сохранившееся въ гористой Галиціи въ обозначеніи скалистой горы, у сербовъ и чеховъ *брдо* значить также гора. Въ равнинныхъ мѣстахъ Малороссіи слово «бердо» въ значеніи горы забыто. Можно думать, что отъ этого слова произошло названіе извѣстной части ткацкаго станка *берды*. Слово это, между прочимъ, находимъ въ стихотвореніи Я. И. Щоголева «Ткачь:» «теперечки знову берды направивъ, нитки насновавъ» («Ворскло», стр. 51).

Многія малорусскія села въ степныхъ мѣстностяхъ получили названіе отъ ближайшихъ кургановъ или могилъ. Таковы: Могилатовъ, Двѣ могилки, Горомогилвка, Присковатая могила, Рубленныя могилы, Толстыя могилы, Густыя могилы, Громовая могила, Стадная могила. Названіе Могилева на Днѣстрѣ, какъ было уже ранѣе замѣчено, происходитъ отъ фамиліи молдавскихъ господарей Могиль.

Малороссіяне, какъ извѣстно, любятъ селиться поближе къ водѣ, къ рѣчкѣ или пруду; оттого многія названія сельъ заключаютъ въ себѣ указаніе на низменное мѣсто, напримѣръ: Низы сумскаго уѣзда, харьковской губерніи, Поды кобелякского уѣзда полтавской губерніи, Пологи (въ полтавской губерніи 5 сельъ съ такимъ названіемъ) Подоль—село въ полтавской губерніи и низменная часть г. Кіева. Значительная часть приднѣстрианскаго края называется Подоліей. При сыновьяхъ и внукахъ Владиміра Святаго приднѣстрианскій край носилъ названіе Понизья, данное ему въ отличіе отъ сѣверо-западной части Галицкаго княжества, называвшейся Горнею странюю. Въ XIII ст. Понизье было разорено татарами. Въ половинѣ XIV ст. вел. кн. литовскій Ольгердъ, одержавъ побѣду надъ татарами, освободилъ отъ нихъ Понизье и подъ новымъ

именемъ Подоліи или Подолья присоединилъ его къ своимъ владѣніямъ¹⁾. Въ херсонской губерніи около 30 сель носятъ названіе Балки. Къ этому разряду названій, повидимому, относятся Котельва, Котельна, Котели и Котлово въ Малороссіи, г. Котельничъ въ вятской губерніи, Котлинъ островъ въ Финскомъ Заливѣ. Въ Книгѣ Большаго Чертежа находимъ рѣку Котель: «а рѣчка Котель... пала въ Осколь».. Кромѣ того, въ Книгѣ Большаго Чертежа нѣсколько разъ упоминаются Котлубаны, Семицкіе Котлубаны,—рѣчка, впадавшая въ р. Сеймъ. Спасскій высказалъ мнѣніе, что эти Котлубаны, вѣроятно, означали котловины, имѣющія теченіе только въ водополье²⁾. Названія мѣстностей отъ слова Котель изрѣдка встрѣчаются и у западныхъ славянъ, напр., у Чеховъ с. Котель³⁾.

Въ названіяхъ сель и хуторовъ заключается иногда прямое указаніе на то, много-ли находится воды въ данной мѣстности и какого она свойства, или указаніе на почву песчаную, каменистую, солончаковую. Сюда относятся названія: Мокрая, Водяная, Болотница, Порѣчье, Потоки, Двурѣчная, Межиричъ (между двумя рѣчками), Островъ (село, огибаемое рѣкой или ея притокомъ), Озера, Пселовка, Полтава, Коломакъ и многія другія по имени рѣкъ. Съ другой стороны встрѣчаемъ названія: Сухая, Суходоль, Каменка, Каменовата, Пески, Песочинъ. Пещанка, Солонцы, Солонцоватая, Солоненькое (екатеринославской губерніи), Безводная, Недайвода, Недайводовщина.

Многія села получили наименованіе по садамъ и лѣсамъ или по роду преобладающихъ въ нихъ деревьевъ. Таковы названія: Садки, Вишеньки, Вишня, Яблочное, Гаи, Гаикъ, Подгайе (въ Галиціи), Гаеве, Пидгайцы, Гайсинъ (въ Подоліи), Прилѣсье, Пролѣски, Лиски, Бузовый, Бузки, Березнякъ, Березань, Березовица, Терны, Терновая, Берестовая, Дубина, Поддубновка, Тополи, Липняки, Липовка, Липовець, Липцы, Вербовое, Вербки, Смеречка, Смерековець (отъ сл. смерекъ, сосна), Осички, Вязовокъ, Ясенокъ, Ясеноватая, Ольховатка, Вильшана, Боровина, Боромля, Боровщина, Боровый, Борки. Къ этому же разряду относятся названія:

¹⁾ *Город. нос.*, т. IV, стр. 6.

²⁾ *Книга В. Ч.*, 216.

³⁾ *Miklosich, D. slav. Ortsnam.*, т. II, § 249.

Камыши, Камышевата, Тростянець, Очеретяна, Кропивна, Нехворощь, Нехворощанка, Хмельникъ (въ подольской губерніи). Названія сель отъ мелкихъ растений и травъ рѣдко встрѣчаются.

Мѣстные названія по имени животныхъ многочисленны и разнообразны. Преобладаютъ названія по крупнымъ животнымъ. Изъ мелкихъ животныхъ «жаба» болѣе всего дала названій селамъ. Иногда бываетъ затруднительно опредѣлить, произошло ли мѣстное названіе отъ животнаго или отъ прозванія перваго поселенца, въ родѣ Жукъ, Ведьмидь, Блоха. Слѣдующія села и рѣки названы по имени животныхъ: Конка, Коновець, Жеребець, Волюковъ, Овеча, Свинарка, Волча, Крысы, Кроты, Жабки, Жабье, Жабокряки, Жаботинь, Зміевъ, Гадячь-Гадячій (полтавской губерніи), Гадючка (херсонской губерніи), Чапли, Орликъ, Лебединь, Куликъ, Вороньки, Деркачи, Чипижные, Жуки, Блохино. Подобнаго рода названія жилыхъ мѣстностей и рѣчекъ заключаютъ иногда въ себѣ указаніе на породу животнаго, исчезнувшую въ данной мѣстности. Такъ, въ харьковской губерніи находятся рѣки и села съ названіями Бобрикъ, Бобричекъ, Бобровое, въ херсонской губерніи Бобринець, Бобрикъ, Бобровый Куть, съ указаніемъ на бобра, который, по свидѣтельству старинныхъ актовъ, нѣкогда водился въ Малороссіи въ большомъ количествѣ. Теперь животное это въ харьковской губерніи совсѣмъ не встрѣчается и народъ даже забылъ про него. Мѣстные собственныя имена, произведенныя отъ бобра, встрѣчаются въ Польшѣ, Чехіи, Сербіи, встрѣчаются также въ Германіи (Viber), при полномъ исчезновеніи самаго животнаго ¹⁾. Въ Великороссіи встрѣчаются и названія сель отъ бобра, и самое животное. Большое число мѣстныхъ названій отъ бобра можно объяснить тѣмъ, что въ старинное время животное это играло важную роль въ народномъ хозяйствѣ и торговля бобровыми мѣхами была очень выгодной. Къ числу вымершихъ животныхъ, оставившихъ послѣ себя слѣды въ малорусскихъ мѣстныхъ названіяхъ, относится еще туръ, дикій быкъ. Въ древности животное это водилось въ восточной и средней Европѣ. Юлій Цезарь въ соч. *De bello gallico* замѣчаетъ, что туръ водился въ Германіи ²⁾. Въ Малороссіи встрѣчаются мѣстные назва-

¹⁾ Miklosich, Die, slav. Ortsnam., т. II, стр. 11.

²⁾ Тамъ же, стр. 110.

нія: Турово, Турье, Турья, Туры, Тураньско, Туровка, Туровци (въ Галиціи). Въ простомъ народѣ память о турѣ, какъ о звѣрѣ большомъ и тяжеломъ, сохранилась, между прочимъ, въ пословицахъ и поговоркахъ, напримѣръ: «Такъ замерзло, що хочъ туры гони», «Сидыть, якъ туръ у горахъ», «Зъ тобою ходити, якъ зъ туромъ водитись», «Выженемо сирого тура зъ луга», «Збираються, якъ на тура», «Баба, якъ туръ»¹⁾. Къ этому разряду мѣстныхъ названій слѣдуетъ еще отнести названія сель Ведмедево и Веприкъ (отъ сл. вепрь, дикій кабань); животныя эти также вымерли въ Малороссіи.

Встрѣчаются села съ названіями, происшедшими отъ лежащаго вблизи завода, фабрики или отъ мѣстнаго кустарнаго промысла, напримѣръ: Цегельня, Гуты, Бурты, Тесли (хорольскаго уѣзда), Дегтяри, Бондари, Гончари, Круподеринцы, Пекари, Шевская, Чумаки, Боргня, Рыбки, Рыбальщина, Пасики, Баранники, Грабаровка. Многія села называются по шинку Питейными домами (въ екатеринославской и полтавской 54 поселенія усвоили это названіе). Села, гдѣ развилось скотоводство, получили названія: Скотоватая, Скотарскій. Такое названіе имѣютъ, между прочимъ, хутора на гуртовыхъ дорогахъ, посѣщаемые скотопромышленниками.

Часто въ названіи села заключается похвала или порицаніе, обусловленныя тѣмъ, красива ли мѣстность, достаточно ли воды и т. п. Съ одной стороны сюда относятся названія: Славгородъ, Райгородъ, Хорошево, Хорошки, Доброе, Золотоноша, Золотой, Серебное, Богачка, Обильная, Хлѣбная, Житное, Сладководная, Золотая Криница, Вильна, Весела, съ другой: Нетребивка, Нехотіевка, Страшна, Гориславецъ (полтавской губерніи, м. б. отъ древняго фамильнаго прозванія). Идея о бѣдности скрывается въ названіяхъ многихъ сель. Такъ Голтва зѣньковскаго и кобелякскаго уѣздовъ полтавской губерніи есть собственно Голотва, отъ слова *золота*. Подобнаго рода названія сель встрѣчаются во многихъ мѣстахъ Малороссіи: Голотовскіе хутора въ полтавской губерніи, Голотовщина въ дохвицкомъ уѣздѣ, Голтвянскій въ зѣньковскомъ уѣздѣ, Голтвоя Ольховой и Голтвинчикъ-Мазуровка въ полтавской губерніи, Голый въ екатеринославской губерніи, Гольцы въ екатеринославской гу-

¹⁾ *Номисъ*, Приказки, §§ 645, 1353, 2662, 5296.

берніи, Голендры люблинской губерніи. Къ этому разряду названій относятся также: Кривохатка, Обидранка, Недогарки и т. п.

На нѣкоторыхъ мѣстныхъ названіяхъ лежитъ отпечатокъ на-смѣшки, напримѣръ, на слѣд. сельскихъ названіяхъ полтавской губерніи: Слѣпородскій, Вырвихвость, Убійсобаковскіе (хутора), Вшивая (херсонской губерніи), Слѣпобабова (херсонской губерніи).

Характеристичной чертой народной этимологіи представляется уподобленіе непонятныхъ личныхъ и мѣстныхъ собственныхъ именъ именамъ обиходнымъ, наиболѣе употребительнымъ въ народномъ быту. Любопытной представляется ассимиляція инородческихъ или иноплеменныхъ названій и облеченіе ихъ въ народную лингвистическую форму. Въ народной этимологіи раскрывается такимъ образомъ стойкій и живой духъ народный, сохраняющій свою самобытность и претворяющій въ народный организмъ чужеродныя начала. При всей важности народныхъ словопроизводствъ, съ научной точки зрѣнія, русская, въ частности малорусская народная этимологія почти не затронута людьми науки и даже не собранъ относящійся сюда матеріалъ. Не вдаваясь въ подробное изложеніе малорусской народной этимологіи, по недостатку пособій и матеріала, мы отмѣтимъ здѣсь лишь нѣсколько ея проявленій въ области мѣстныхъ названій. Названіе гор. Ставрополя въ устахъ малорусскаго народа измѣнилось въ Старопиле, путемъ уподобленія многочисленнымъ названіямъ сель съ окончаніями *поле* или *полье*, какъ Миропиле, Краснопиле, Трипиле и пр. Въ харьковской губерніи по р. Адалагѣ лежатъ села: Старая Водолага, Новая Водолага, Водолажка. По р. Адалагѣ, богатой нѣкогда сѣнными угодьями, кочевали татары, и рѣка носитъ татарское названіе, сохранившееся и въ старинномъ московскомъ документѣ, въ Книгѣ Большаго Чертежа, по росписи 1571 г. Малороссіяне обратили непонятную для нихъ Адалагу въ Водолагу, находя себѣ оправданіе въ обилии воды и въ близости рѣки къ этимъ селамъ. Въ Книгѣ Большаго Чертежа упоминается рѣка Балыкиса и, въ другой формѣ, Булукасы. Въ документахъ XVIII ст., приводимыхъ въ Истор.-стат. опис. епархіи архіеп. Филарета, находимъ эти же самыя названія для рѣки и стоящаго на ней одноименнаго села. Нынѣ село называется Балаклея, и здѣсь можно видѣть стремленіе народа произвести это темное слова отъ извѣстнаго глагола балакать, говорить. Нынѣшняя

Евпаторія, таврич. губ., у крымскихъ татаръ носила названіе Геслеве, какъ говорятъ, отъ татарскаго слова «сизлеве»—подземный ходъ, потому что въ городѣ подъ многими домами находились подземные тайники, изсѣченные въ камнѣ, гдѣ въ смутныя времена жители прятали свои сокровища и укрывались сами¹⁾. Малороссіяне называли этотъ городъ Козловомъ. Въ Книгѣ Большаго Чертежа онъ названъ Козлевъ. Въ обоихъ случаяхъ, очевидно, обнаруживается стремленіе къ отождествленію татарскаго Геслева съ малорусскими мѣстными названіями отъ слова козель, Козловка, Козлищина (въ херсонской губ.), Козивъ (въ Галиціи), Козельщина (въ харьк. губ.), Козинъ (киев. губ.). Село Бельвю харьковской губерніи называется у крестьянъ Бѣльмомъ.

Въ этнографическихъ предѣлахъ малорусской народности находится множество мѣстныхъ названій инородческаго происхожденія, причемъ одни названія возникли въ глубокой древности, до первыхъ документальныхъ извѣстій о пребываніи русскихъ славянъ на югѣ Россіи, другія въ древнія времена русской исторіи, съ IX до XIV ст., до времени отчетливой національной фазисаціи малорусскаго народа, а третія въ дальнѣйшее время, XIV—XIX ст.

Древнѣйшее, до-историческое происхожденіе имѣютъ названія нѣкоторыхъ малорусскихъ рѣкъ: Днѣпръ, Днѣстръ, Бугъ, Ворскла, Осколь, Уды, Удой, Сула, Сновъ, Можъ. Самыя большія изъ южно-русскихъ рѣкъ, Днѣпръ, Днѣстръ, Донъ и Донецъ, доселѣ сохранили тѣ названія, подъ которыми сдѣлались впервые извѣстными историческому міру двадцать с лишкомъ столѣтій тому назадъ. Названія этихъ рѣкъ очевидно однородны, почти тождественны. У древнихъ географовъ для обозначенія этихъ рѣкъ служило одно слово: донъ, данъ, тенъ, или тава, съ прибавленіемъ греческаго окончанія: Танаисъ, Борисфенесъ, Данаприсъ, Данастрисъ, и слово это (донъ или даасъ, откуда пошло и названіе р. Дунай) значило просто рѣка. Оно до сихъ поръ сохранилось еще въ этомъ значеніи у осетинъ, народа иранскаго происхожденія. По осетински «донъ» означаетъ первоначально воду, потомъ рѣку вообще. Названія большей части осетинскихъ рѣкъ составлены изъ прилагательныхъ именъ

¹⁾ Спасскій, Книга В. Чертежа. Примѣч. 233.

съ прибавленіемъ этого нарицательнаго, напр. Урсъ-Доть, Хоби-Донь, Аръ-Донь ¹⁾. Повидимому, входящія въ составъ названій Днѣпра и Днѣстра слова *присъ*, *стрисъ* дали названія другимъ славянскимъ рѣкамъ: Пругу, Истру. Р. Сновъ, черниговской губерніи, съ которою Даниль Паломникъ сравниваетъ Иорданъ, повидимому, означаетъ текущую воду: въ санскр. *снү* значитъ течь, *сна* омывать, купаться. Названіе р. Росъ, можетъ быть, находится въ связи съ санскр. *арш* течь, орошать, въ смыслѣ изліянія сѣмени, оплодотворенія ²⁾. Въ названіи р. Сулы обнаруживается сходство съ литов. *sulá*—березовый или кленовый сокъ, *sulot*—пускать изъ себя сокъ, медленно течь, капать. Въ такомъ же отношеніи р. Осколь, пригокъ Донца, при литов. *skal—anti* полоскать, санскр. *кшалати* (изъ *скал.*), течеть, *кшалаати*, омываетъ; съ польск. (куявск.) *oskola*, *oszkola* березовый сокъ. Названіе р. Мжа обнаруживаетъ отношеніе къ обще-европейскому корню *mih*—мочиться, источать сѣмя, лит. *muži* (срав. слав. мячка—мелкій осенній дождь). Названіе р. Пселъ, родит. Пела, малор. Псло, древ.-рус. Пьс-ль обнаруживаетъ отношеніе къ корню *пис*, что въ дѣтскомъ *писать*, серб. *пишати*, литов. *pissa* ³⁾. Древнѣйшія названія южнорусскихъ рѣкъ даны несомнѣнно народомъ арійскаго происхожденія, быть можетъ скивами, иранское происхожденіе которыхъ представляется довольно вѣроятнымъ. Вообще, объясненіе древнѣйшихъ южно-русскихъ мѣстныхъ названій сопряжено съ большими затрудненіями и требуетъ большой осторожности со стороны изслѣдователя. До какой степени можно фантазировать въ этой темной области филологіи, показываютъ намъ сочиненія г. Безсонова. Безсоновъ съ достойною лучшей цѣли смѣлостью утверждаетъ, на примѣръ, что Черниговъ получилъ названіе отъ того, что въ черниговской губерніи жили геродотовскіе Меланхлены (но греч. Черные плащи), что названіе рѣки Иды происходитъ отъ какихъ-то Удовъ. «Писателямъ, говоритъ г. Безсоновъ, разумѣется, знакомы выводы современной науки(?!), что Уды и Ады, въ началахъ своихъ близкіе со всѣми почти прочими

¹⁾ *Плюшаръ*, Энциклоп. лексик., т. XVII, стр. 159; пот. у *Буслаева*, въ *Ист. оч.*, т. I.

²⁾ *Потебня*, Къ исторіи звуковъ, т. III, стр. 107; т. II, стр. 15.

³⁾ *Потебня*, къ исторіи звуковъ, т. IV, стр. 67, 68.

народами, были разбиты и разсѣяны извѣстнымъ походомъ Египтянъ XIV вѣка при Сезострисѣ, сглажены Басками и Гебрами(!), вытравлены предками Финновъ, Саксовъ, Киммеріанъ и Боевъ(!), такъ что къ приходу славянъ вся означенная мѣстность (т. е. Россія) давно уже и совершенно была очищена отъ всякихъ элементовъ туркизма». Далѣе г. Безсоновъ, ни мало не смущаясь тѣмъ, что Уды «племя давнее», подробно говоритъ объ ихъ жилищахъ, одеждѣ и даже наружности. «Носъ прямъ, глаза не велики, не растянуты, есть и сѣрые, но больше карые, сухощавы и поджары, воздержны, полнокровны, круглолицы, даже румяны, какъ баре, госнода»¹⁾. Любопытно было бы узнать, какой художникъ изъ Киммеріанъ, Боевъ или Гебровъ сохранилъ для г. Безсонова цвѣтъ удскихъ гаазъ и въ какой формѣ, масляными красками или акварелью. Къ сожалѣнію, филологическія и «этнологическія» экскурсіи г. Безсонова въ удскую древность не дали ровно ничего для объясненія названій маленькихъ украинскихъ рѣченокъ Уды и Удая: остается, только пожалѣть, что отъ полнокровныхъ и румяныхъ Удовъ не осталось слѣдовъ въ исторіи.

Въ до-монгольское время русской исторіи на югѣ Россіи перебывало много разныхъ инородцевъ: хазары, печенѣги, торки, ковуи, половцы. Кочевые народы, «поганые толковины», подъ общимъ собирательнымъ названіемъ «черные клобуки» постоянно вторгались въ предѣлы южно-русскихъ княжествъ, селились иногда среди русскихъ и поступали на службу къ кіевскимъ и черниговскимъ князьямъ. Кочевья и вліяніе печенѣговъ и половцевъ захватывали обширныя пространства, отъ Волги до Карпатъ, и память объ нихъ сохранилась въ названіи урочищъ, городищъ и кургановъ. Названія эти большею частью отмѣчены въ Истор.-стат. опис. харьк. епархіи архіеп. Филарета и позднѣе въ сочиненіи Аристова о половецкой землѣ. Любопытно, что мѣстныя названія древняго инородческаго происхожденія встрѣчаются въ Малороссіи на большомъ разстояніи одно отъ другаго, и эта черта не лишена историческаго значенія при опредѣленіи распространенія извѣстнаго народа въ древности. Такъ, въ харьковской губерніи, въ 50 верстахъ къ югу

¹⁾ Чтенія въ Моск. Общ. ист. и древн., 1885 г., т. II, стр. 57, 88.

отъ Харькова, находится село Печенѣги. въ гористомъ коломыйскомъ округѣ Галиціи находимъ село Печенѣжино. Принимая во вниманіе, что степные печенѣги входили въ сношенія съ Византіей и поступали на службу къ византійскимъ императорамъ, можно думать, что они иногда кочевали и въ при Днѣстровѣ и забирались даже въ гористое Покутье. Къ числу древнихъ названій относятся названія с. Бѣлыя Вежи, екатеринославской губ. александрійскаго уѣзда, Казарскаго городища въ воронежской и въ харьковской губерніяхъ, Торчинова городища и р. Торца въ харьковской губерніи. Названіе Кукуево городище въ харьковской губ., повидимому, происходитъ отъ кокуевъ, находившихся на службѣ у черниговскихъ князей. Можетъ быть, къ древнимъ половецкимъ названіямъ, по имени хана Чуги, относятся названія урочищъ, а потомъ городовъ Чугуель и Кременчугъ. И въ этой области мѣстныхъ названій можно надѣлать большія ошибки, наклоня словопроизводство на археологическую сторону, при конкуренціи объясненій, и относя, напримѣръ, на счетъ древнихъ хазаръ такіа мѣстныя названія, которыя въ дѣйствительности произошли отъ сл. *коза* или отъ сл. *коцы*.

Въ XIII ст. татары прошли по всей Россіи разрушительнымъ потокомъ. Въ южной Руси многія селенія были уничтожены до-тла, жители ихъ истреблены и обширныя области обратились въ пустыни. По Сѣверному Донцу, Пелу и Ворсклѣ появились татарскія кочевья. Пребываніе татаръ въ южной Россіи въ теченіи многихъ вѣковъ оставило послѣ себя многочисленныя слѣды въ названіяхъ городовъ, сель, въ особенности рѣкъ и степныхъ урочищъ. Всѣ названія съ *кара* въ началѣ или *лыкъ* въ концѣ татарскаго происхожденія, напр. Карань, Карагачь, Карабашь, Караголь, Карабьловка, Каракезовка, Тагамлычь, Сазанлыкь, Чертомлыкь, Кагамлычь, Геленджикь. Татарскія названія носятъ рѣчки Міусь, Карасу Саксагамь, Бурлукь, Сартаба, Кумшакь, Айдарь, Койсугь, села Ауль (екатеринославской губ.), Балаклея (полтавской и харьковской губ.), Ахмедь, Гаджівщина (полтавской губ.). Ахмечеть и Ахмичетка (херсонской губ.). Татарское имя Ахтырки, означающее бѣлый яръ, указываетъ на то, что на мѣстѣ козацкой Ахтырки, нынѣ уѣзнаго города харьковской губерніи, былъ татарскій юртъ. Рѣчка и села харьковской губерніи, кунянскаго уѣзда, съ названіями

Дуванка, указываютъ на татарское слово *дуванить*, дѣлать награбленное. На Дуванкѣ былъ притонъ татарскихъ хищниковъ ¹⁾. Въ Малороссіи часто встрѣчается фамиліное прозваніе Бакай, Бакаевъ и села Бавай, Бакаево. Въ старинное время извѣстенъ былъ Бакаевъ шляхъ, который шелъ отъ Днѣпра къ Курску. Шляхъ этотъ получилъ названіе отъ имени татарскаго мурзы Баки, о которомъ, между прочимъ, говорится въ Книгѣ Большаго Чертежа: «А Свиная дорога отъ Рыльска до Болхова; а тою Свиною дорогою прихаживали Бѣлогородскіе Татаровя, на Рыльскія, на Карачевскія, на Болховскія и на Орловскія мѣста, Бакай мурза, какъ польскихъ градовъ не было» ²⁾. Бакай мурза, вѣроятно, ногайскій князь Бака, который въ 1541 г. шелъ войною на Русь съ крымскимъ ханомъ Сагибъ-Гиреемъ. Самое слово *бака* персидское и, быть можетъ, заимствовано татарами отъ персовъ. Не отсюда ли названіе города Бака или Баку въ закавказскомъ краѣ? Названіе: *бакалейная* лавка также персидскаго происхожденія. Относится ли къ этому разряду словъ названіе главнаго города Подолья въ монгольское время Бакоты (нынѣ деревенька новоушицкаго уѣзда), — остается открытымъ вопросомъ.

Литовцы въ XIV и XV ст. и поляки въ XVI и XVII ст. проникали въ южную Русь, то въ видѣ кратковременнаго военнаго движенія, то въ видѣ мирной колонизаціи края и долговременнаго въ немъ пребыванія. Еще ранѣе, въ до-монгольскій періодъ русской исторіи, великіе князья кievскіе селили иногда въ южной Руси плѣнныхъ литовцевъ и поляковъ. Такъ полагаютъ, что города по р. Роси, и между прочимъ г. Корсунь, были заселены плѣнниками, выведенными Ярославомъ изъ Галиціи и Польши въ войну 1032 года. Движеніе поляковъ на востокъ началось еще въ до-исторической древности, и воспоминаніе о древнѣйшихъ его проявленіяхъ сохранилось на первыхъ страницахъ древней лѣтописи въ преданіи о Радамѣ и Вяткѣ. Съ древнѣйшими славянскими поселеніями въ южной Руси, можно думать, произошло то же, что позднѣе въ XVIII и отчасти въ XIX ст. произошло съ поселеніями сербовъ и чеховъ. Они расплавились въ массѣ кореннаго южно-русскаго населенія, ассимилировались съ нимъ, и памятни-

¹⁾ *Архивъ Филарета*, Ист. ст. опис. харьк. еп., т. III, стр. 10, т. V, стр. 236.

²⁾ *Книга Б. Чертежа*, изд. Спасскаго, стр. 106, 252.

ками литовскаго и польскаго пребыванія въ Малороссіи, особенно въ Малороссіи лѣвобережной, остались почти исключительно мѣстныя названія, въ родѣ: Ляхи, Мазуровка (въ полтавской губерніи), Литовская, Литвиновка, Лигвинки (въ екатеринославской и херсонской губерніяхъ).

Названія сель Ляшки, Лядское, Ляховичи, особенно многочисленныя въ Галицкой Руси, по мнѣнію г. Головацкаго, указываютъ на первоначальное поселеніе польскихъ поселенцевъ. Съ такимъ названіемъ села галицкія принадлежатъ большею частью къ древнѣйшимъ поселеніямъ польскимъ въ Галичинѣ, давно совсѣмъ обрусѣвшимъ, съ русскими приходскими церквами, безъ костеловъ. Напримѣръ, села:

Волька Мазовецкая	1,622	русскихъ и 99	поляковъ.
Ляшки Горныя	650	—	12 —
Ляшки Дольныя	398	—	9 —
Ляшки Королевскіе	688	—	151 —
Ляшковъ	974	—	19 —
Ляховичи подорожные	853	—	29 —
Ляховцы	1,144	—	31 —
Ляцкое	1,417	—	11 —
Ляшки Гостинныя	1,046	—	вовсе нѣтъ.
Ляшки Завязанныя	695	—	вовсе нѣтъ ¹⁾ .

А. А. Потебня думаетъ, впрочемъ, что нѣкоторыя изъ этихъ названій могутъ означать, что село разрослось изъ хутора, въ которомъ сидѣлъ нѣкій Ляшко, Ляховець, который могъ уже и не быть полякомъ, или Ляховичъ, коего прозвище рѣшительно русское. На первоначальный племенной составъ съ достаточной ясностью, по мнѣнію проф. Потебни, указываютъ названія Ляцкое и Воля Мазовецкая²⁾.

Встрѣчаются села съ названіями румынскими или съ русскимъ названіемъ, но указывающимъ на Румынію. Въ Бессарабіи такихъ сель много, потому что здѣсь живетъ много молдаванъ. Нѣкоторые мѣстности, населенныя малоруссами и молдаванами, представляютъ

¹⁾ Головацкій, Пѣсни Галиц. и Угор. Русн, т. I, стр. 633.

²⁾ Потебня, О сборн. Головая., стр. 7.

относительно названія ту особенность, что къ русской основѣ слова присоединилось румынское окончаніе, напр.: Братушаны, Ставчаны, Петрешти, Трифонешти. Въ екатеринославской губерніи находимъ с. Волоское, въ херсонской губерніи Волошино, въ харьковской губерніи Волоховку, Волоховъ Ярѣ. Въ харьковской губерніи есть с. Волоская Балаклея, получившее названіе Волоской съ 1712 г., когда отъ Шидловскаго перешла въ собственность волоскаго стольника Димитрія Енакія. Царскимъ указомъ 1712 г. вотчины Шидловскаго въ слободскихъ полкахъ, а именно 633 двора черкасскихъ, 42 русскихъ, 35 польскихъ, всего 710 дворовъ, были розданы «волоскаго народа боярамъ, офицерамъ и инымъ, которые съ господаремъ княземъ Кантемиромъ выѣхали»¹⁾. Тогда-же Куть получилъ названіе Волоскаго Кута, потому что отданъ былъ полковнику Ильѣ Абазѣ, румынскаго происхожденія.

Въ Новороссіи встрѣчается много городовъ и сель съ греческими названіями, которыя дѣйствительно даны частью греками, но большею частью русскими вельможами царствованія Екатерины II. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія изъ Крыма переселились на берега Азовскаго моря около 18,000 грековъ и основали здѣсь 20 селеній и городъ Маріуполь. Наклонность давать возникающимъ городамъ греческія названія возникла при Екатеринѣ II, одновременно съ возникновеніемъ такъ называемаго греческаго проэкта. Въ особенности сильно обнаружили эту наклонность великолѣпный фантазеръ Потемкинъ, затѣмъ его преемникъ по управленію новороссійскимъ краемъ Зубовъ. Въ екатеринославскихъ и херсонскихъ стѣняхъ появились города и села: Ольгополь, Андріанополь, Никополь, Орестополь, Фониполь. Въ Никополь обратился запорожскій Микитинъ Перевозъ, въ Ольгополь татарскій юртъ, потомъ деревушка Чачанлыкъ. Простой народъ большею частью обернулъ конечное греческое *поль* (отъ греческаго *полисъ*—городъ) въ знакомое *полье* или *тилье*.

Память о сербскихъ поселеніяхъ въ новороссійскомъ краѣ, о такъ называемой Славяносербіи, сохранилась, между прочимъ, въ мѣстныхъ названіяхъ херсонской губерніи: Сербинновка. Сербка, Сербуловъ, Сербуловка, Вуичева, Вукотичева, Текелиева.

¹⁾ Арх. Филаретъ, Ист. ст. опис. харьк. еп., т. V, стр. 219.

Встрѣчаются въ юго-западномъ краѣ и въ херсонской губерніи села съ названіями нѣмецкаго происхожденія, указывающія на нѣмецкихъ колонистовъ. Приливъ нѣмцевъ колонистовъ въ южную Россію съ теченіемъ времени усиливается и, согласно съ тѣмъ, умножается число нѣмецкихъ мѣстныхъ названій. Въ бывшихъ владѣніяхъ запорожскихъ козаковъ мы находимъ въ настоящее время Данцигъ, Вормсъ, Дармштадтъ и затѣмъ много Нейдорфъ, Блюменфельдъ, Блюменталь, Розенталь.

Мѣстные преданія, связываясь съ мѣстными названіями, оживляютъ и одухотворяютъ ихъ. Сухой скелетъ мѣстнаго названія облекается плотью подъ вліаніемъ народно-поэтическаго преданія, и тогда народное вниманіе охотно на немъ останавливается. Не смотря на разноросторонній научный интересъ, представляемый мѣстными преданіями, этотъ отдѣлъ историко-поэтическаго творчества принадлежитъ къ числу самыхъ неразработанныхъ и темныхъ отдѣловъ науки. Мѣстные преданія, сохранившіяся въ лѣтописяхъ, рассмотрѣны Буслаевымъ и Костомаровымъ. Мѣстные преданія, живущія въ народѣ въ настоящее время, не только не подвергались научному изслѣдованію, но даже не собраны въ достаточномъ количествѣ. Собранный-же матеріалъ крайне разбросанъ въ книгахъ самаго разнообразнаго содержанія, въ описаніяхъ городовъ, въ путешествіяхъ, въ фамилльных запискахъ и мемуарахъ, въ историческихъ и статистическихъ изслѣдованіяхъ, въ разныхъ Губернскихъ и Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Собрать этотъ матеріалъ, при недостаткѣ у насъ спеціальныхъ библиографическихъ указателей, дѣло крайне трудное, а при скудныхъ провинціальныхъ книжныхъ средствахъ положительно невозможное. Волей-неволей приходится довольствоваться немногими крохами.

Изученіе мѣстныхъ преданій интересно преимущественно съ точки зрѣнія народной психологіи. По своему характеру и содержанію, мѣстные преданія представляются болѣе достояніемъ исторіи литературы, имѣющей дѣло съ поэтическими вымыслами, чѣмъ достояніемъ бытовой и политической исторіи, отыскивающей въ прошломъ факты положительныя, дѣйствія отдѣльныхъ лицъ и реальныя событія въ жизни народной.

Мѣстные преданія, какъ предметъ интересный и важный въ научномъ отношеніи, заслуживаютъ спеціального изслѣдованія, и здѣсь затронуты нами мимоходомъ, въ заключеніе статьи. Мы остановимся, въ двухъ-трехъ словахъ, только на той сторонѣ разсматриваемаго предмета, съ какой должно, по нашему мнѣнію, начаться

спеціальное и обстоятельное его изученіе: на группировкѣ мѣстныхъ преданій по мотивамъ, прежде всего психологическимъ, затѣмъ бытовымъ и литературнымъ. Прежде всего нужно узнать, какъ возникаетъ и развивается преданіе вообще, какимъ измѣненіямъ оно подвергается съ теченіемъ времени при условіи прогрессивнаго развитія внутренней жизни народа и его внѣшнихъ отношеній къ сосѣдямъ, и затѣмъ уже должно послѣдовать спеціальное изученіе малорусскихъ народныхъ преданій въ тѣсной связи съ исторіей и бытомъ самаго народа. При такомъ ходѣ научной работы мы узнаемъ общіе и частные элементы народныхъ преданій, затѣмъ элементы заимствованные и оригинальные. Тогда уяснится сущность и значеніе историческаго преданія вообще и степень участія, равно какъ и степень талантливости въ созданіи и развитіи преданій каждаго народа въ отдѣльности.

Мы намѣтимъ здѣсь три разряда мѣстныхъ преданій: одни образовались чрезъ подставку подъ мѣстное названіе сходнаго въ звуковомъ отношеніи личнаго имени (напр. объ основаніи Харькова козакомъ Харьковомъ), другія возникли изъ комментарія мѣстнаго названія по противоположности (какъ вышеприведенное о с. Немировѣ), а третьи развились изъ психологическихъ мотивовъ; таковы преданія о Сумахъ, Золотоношѣ, Мошнахъ и Переяславѣ. Названіе послѣдняго произошло будто-бы отъ того, что на этомъ мѣстѣ, по свидѣтельству древней лѣтописи, русскій отрокъ Янъ Усмовичъ убилъ на поединкѣ печенѣжскаго великана и такимъ образомъ «перее славу» отъ печенѣговъ.

При сравнительномъ и критическомъ изученіи такого рода народныхъ преданій многія изъ нихъ останутся въ области вымысловъ и сказаній, но кое-что перейдетъ въ неотъемленную собственность фактической исторіи. Преданія, въ родѣ связаннаго съ окрестностями Никополя о воинственной дѣвицѣ Суркѣ, воевавшей съ Мамаемъ, или о богатомъ родѣ Чуриль, связанныхъ съ двумя селами подольской губерніи, Куриловцами и Джуриномъ, сохранять интересъ для исторіи литературы, а преданія о разбойникахъ, связанныхъ съ названіемъ с. Могрицы харьковской губерніи или о древнихъ греческихъ поселенцахъ внутри Малороссіи, какъ напр. связанныхъ съ названіемъ м. Стелева каневскаго уѣзда кievской губерніи, окажутся не лишними значенія для исторіи бытовой.

Н. Ѡ. Сумцовъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ 1 іюля 1886 года.

[60 kon]

